

УДК 130.2

ТЕКСТ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

С.Н. ОВОДОВА

(Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Россия)

Анализируется текст в пространстве культуры как фиксируемое множество смыслов и значений, которое может быть реализовано на разных уровнях; выявляются связь текста и культуры, возможность текста выступать репрезентантом культурных смыслов, а также особенности тектоники постнеклассического текста. Обосновывается идея, что созданный в плотном диалоге с современностью и традицией текст погружен в контекст и одновременно возвышается над ним. Диалогичность текста как его базовая характеристика позволяет проследить тенденцию трансформации текста из классического через неклассический в постнеклассический. Выявляя влияние разных моделей познания на способы создания текста и принципы его функционирования, определяется изменчивость диалогической характеристики текста, ее зависимость от доминирующей картины мира.

Статус текста в культуре во многом зависит от доминирующего типа рациональности, а изменение типа рациональности в свою очередь ведёт к трансформации способов создания и чтения текстов. Но что отличает текст постнеклассического типа рациональности от классического и неклассического текстов?..

Цель данного исследования – обоснование ответа на этот вопрос через диалогичность как базовую характеристику трансформации текста.

Основная часть. Классический тип познания основан на субъект-объектных отношениях; реализуя классический принцип, мы признаем, что смысл находится в мире, нужен только правильный инструментарий и время для его обретения. Субъект-исследователь при помощи идеальной методологии раскрывает секрет мира и постигает смысл. Текст классического типа характеризует каузальность и последовательность, где разворачивание смысла в тексте осуществляется постепенно. Логичность текста соответствует методологии познания: есть методика познания и, следовательно, методика изложения результатов познания мира в тексте. В тексте, как и в мире, присутствует фиксированная иерархия авторитетов: сюжет последователен, события, описываемые в тексте, имеют причинный характер. Данный тип *субъект-объектного* взаимодействия можно представить как монолог, и представление будет оправданным, если мы будем рассматривать трансляцию логики субъекта по отношению к объекту.

При таком подходе главенствует *принцип единства исторического и логического*. Если же историческое представляет собой действительное развитие объекта, а логическое – выявление принципов развития этого объекта, то при сопряжении логического и исторического первое начинает довлеть над вторым. Модель развития (или понимания) объекта в таком случае будет включать только те его особенности и характеристики, которые необходимы для логического доказательства. Внимание на «нужных» характеристиках приводит к тому, что полнота исторического развития не требуется, она избыточна. Структурность, каузальность, системность представления объекта при классическом познании – это следствие доминирования логического. В развитии объекта видится цель, а все проходимые объектом стадии в полной мере соответствуют заявленной цели. Логическое помогает в ретроспекции увидеть историчность, то есть при логическом рассмотрении объекта теоретический и действительный пласты совпадают, а случайность и инвариантность оказываются исключенными из такого рода изысканий.

При *неклассическом типе* взаимодействия наблюдается выход на иной уровень отношений – *субъект-субъектных*, что кардинально трансформирует и модель познания, и актуализацию смыслов. На первый взгляд кажется очевидным, что природа сама по себе не меняется с течением времени, тем не менее картина мира трансформируется, поскольку изменяется принцип позиционирования познающего субъекта по отношению к реальности. Присутствующая ранее уверенность, что смысл находится в мире, заменяется недоверием по отношению к миру. Субъект-исследователь уже не универсален, а конкретен и единичен в своем бытии, поэтому рефлексивует свое участие в смыслообразовании. Смысл творится в процессе взаимодействия исследователя с миром, при осознании контекстуальности и субъективности опыта познания. Если до этого в центре внимания был сам мир, то теперь фокус смещается на принципы научного познания. Историческое отделяется от логического, и становится значимым само по себе.

Изменения в науке и философии ведут к изменению типа познания, взаимодействия субъектов и объектов познания. Новый тип познания принимает *форму диалога*. Неклассические принципы можно проследить в работах А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, З. Фрейда и др. Для нас важно, что интерес к данной проблематике отражает общее состояние культуры как формирующуюся тенденцию. Тенденция не явля-

ется однородной, а субъект-субъектные отношения здесь представлены по-разному, также различаются и сформировавшиеся принципы познания в это время. Во всех неклассических вариантах присутствует осознанная необходимость субъект-субъектных отношений, то есть, по сравнению с классическим принципом, иного взаимодействия с природой, миром, культурой. Субъект-субъектные отношения во всем их многообразии объединяет общее понятие Диалога. Таким образом, можно говорить о разных типах выстраивания диалога с текстом; справедливым будет и утверждение, что принцип диалогичности зависит от понимания культурой самой себя, от того, что выступает в качестве её доминанты. Исходя из того, как культура понимается автором, мы можем говорить о том, как происходит понимание процесса диалога, каким образом выстраивается взаимодействие с текстами.

Диалогичность является неотъемлемой характеристикой текста, присутствует и в процессе создания, и в процессе понимания, и в процессе интерпретации текста. Диалогичность присуща не только тексту, но и человеческой деятельности. Сознание (мышление) всегда находится в напряженном диалоге с внешним миром. Культурное бытие текста контекстуально, поскольку только в процессе взаимодействия возможно обрести смысл. Смысл вне диалога (автор – текст, автор – читатель, читатель – текст, текст – текст) никак не проявляет себя. Диалог выступает для нас ключевой категорией, так как именно он позволяет наиболее наглядно проследить изменения, произошедшие в постнеклассической текстуальной реальности. Категориальный статус диалога определен в работах О. Розеншток-Хюсси, М. Бубера, М.М. Бахтина, В.С. Библера, Ю. Кристевой. Процессуальность как характеристика диалога указывает на то, что *диалог всегда пребывает в настоящем времени*. Диалог должен актуализировать субъектов диалога друг для друга. Таким образом происходит выход участников диалога из их малого времени (времени создания, если речь идет о тексте) в настоящее время разворачивания диалога. Диалогическое восприятие предполагает вовлеченность участников в этот процесс, их взаимодействие. Участники диалога не пассивно присутствуют, а активно раскрываются в нем, разворачивают свою смысловую наполненность. Взаимоотношения внутри диалога не строятся по принципу субъект-объект, а всегда субъект-субъектны.

Можно рассматривать понимание как результат диалога, но он обретается каждый раз заново в процессе диалога. Понимание, как и взаимодействие, двунаправлено: может быть направлено на другого (соучастника диалога), тогда центр тяжести переносится на него, и мы пытаемся реконструировать или интерпретировать его позицию (М. Бахтин, герменевтика), а может быть направлено на себя, в этом случае посредством другого четче проясняется своя позиция (другой служит ограничением нашего собственного сознания, – В. Библер). Понимание может способствовать созданию единого пространства участников диалога (русская религиозная метафизика, Ю. Кристева). Процесс же понимания всегда контекстуален, в равной степени зависит как от внутреннего потенциала личности, так и от ситуативности, поэтому произволен, обладает непредсказуемостью.

В *постнеклассической культуре* стали осмысливаться нелинейные, неопределенные и нестабильные системы и в естественных, и в гуманитарных науках. Одним из значимых научных направлений, оказавших влияние на иные области научного знания, является синергетика. На данный момент это направление достигло уровня парадигмы и закрепляется в разных науках в качестве методологии самоорганизации нелинейных динамических сред. Особое внимание здесь уделяется таким характеристикам явлений, как хаотичность, взаимосвязанность, поливариантность, неустойчивость. Субъект оказывается стоящим перед сложной самоорганизующейся системой, которая по организации оказывается равной ему, а по масштабам намного превосходит (в качестве примера можно привести Интернет). Такую систему можно представить в качестве текста – многовариативного, многоуровневого, цитатного. В пространстве одного текста стягиваются другие тексты посредством прямого (цитата) или непрямого (скрытая цитата, аллюзия) их присутствия. Главенствующее значение принимает Текст, он живет по своим правилам, которые им самим и порождаются. Субъект нивелируется в этом пространстве до роли медиума, посредством которого текст получает свою жизнь (данное положение манифестирует Р. Барт [1]). Перед субъектом разворачивается панорама уже созданных произведений; и компилятивно, почти механически он сам создает только иной способ их комбинаций. Субъект замыкается на себе, вследствие такого технического оперирования реальностью. Диалог начинает трансформироваться в квазидиалог, а взаимное притяжение субъектов пропадает.

Продолжая поиск смысла, субъект совершает попытку воскресить подлинное бытие посредством утверждения его неподлинности. Парадокс заключается в том, что в постмодернизме снятие «выхолащивания» смысла происходит путем её усиления и намеренного акцентирования медиумной роли человека в диалоге. Таким образом, постулирование отсутствия дискурса тем самым задает дискурс «отсутствия дискурса». Об этом пишет Б. Гройс: «хотя дискурс о “конце истории” используется обычно в качестве объяснения того, почему в наше “пост-историческое”, или, как еще говорят, “постмодерное”, время нет и не может быть больше ничего исторически нового, то есть почему искусство и культура нашего

времени могут только цитировать и комбинировать фрагменты культурного наследия, полученного от исторического прошлого, – сам этот дискурс о невозможности исторически нового выступает в то же время в качестве нового исторического откровения» [2, с. 147]. При всей манифестации смерти автора, главенства текста по отношению к субъекту и отрицания наличия дискурса нового, бытие субъекта в культуре продолжается, и бытие это характеризуется не только потреблением, но и творением. Субъекту важна смысловая наполненность текста, культуры, что и заставляет его переживать о конце истории и говорить о смерти культуры. Страх перед отсутствием смысла есть лучший показатель необходимости присутствия смысла.

Диалогичность как базовая характеристика текста и культуры в постнеклассический период остается, но подвергается трансформации. Произведения Х. Кортасара, Х. Борхеса, Д. Фаулза, М. Павича, М. Кундеры, У. Эко, Б. Акунина роднит единое отношение к тексту как конструктору, вторичному образованию, отсылающему к уже оформившейся традиции. Текст начинает осмысливаться как технический механизм. Детали текста выстраиваются в произвольном порядке, причем читателю самому разрешено выбирать порядок. Конкретная комбинация как четко заданная линия разворачивания сюжета становится неважна. Такой подход соответствует поливариантности и многоуровневости. Текст представляет собой совокупность возможных вариантов своего осуществления. В произведениях Павича ярче, чем у других писателей, отражена тенденция смещения смысла в сторону структуры текста. То, КАК создано произведение, столь же смыслодержущее, как и то, О ЧЕМ оно повествует. Вариативность комбинаторики представляет собой доведенную до предела процессуальность диалога. Если в неклассическом тексте осознавалась невозможность конечного познания, то в постнеклассическом тексте это осознание начинает приобретать зримое воплощение. Человек хоть и пытается снять конечность как таковую, но к бесконечности не выходит (в силу своей конечности). Детали текста имеют определенное число, поэтому варианты их комбинаций исчисляемы, несмотря на то, что сама процессуальность познания не заканчивается моментом завершения чтения. Окончание чтения побуждает к возобновлению чтения, потому что прочитанный нами вариант произведения лишь один из возможных. Взаимодействие тут отличается интерактивностью: субъект погружается в предстоящий текст и увлекается самоорганизующимся текстом, чему способствуют интертекстуальность и гипертекстуальность. Поглощение субъекта текстом воспринимается в качестве смерти автора, нивелирования всякой субъективности, но смысл текста без субъекта не конституируем, текст без субъекта не возобновляем.

Присутствующее в диалоге неклассического периода Понимание как учитывающее инаковость Другого, как постижение уникальности Другого в постнеклассическом диалоге заменяется интерпретацией. Происходит это потому, что система текста требует от субъекта присутствия для возобновления, но не обязывает его к пониманию. Неклассический текст настраивал субъекта на восприятие, учитывал иррациональную составляющую постижения. Постнеклассический текст требует от человека инструментальной составляющей. О превращении субъекта в функцию внутри современной культуры говорит Ж. Бодрийяр в работе «Система вещей» [3]: важным становится коммуникационная составляющая системы, именно она обеспечивает функционирование. Коммуникативность лишь проверяет наличие системных составляющих (присутствие субъектов в среде коммуникации) и их информационную сообщаемость, о понимании речи не идет. Симулятивность этой системы и обнаруживает пробел в диалоге.

Подмена понимания интерпретацией выступает самым значительным, что трансформируется в диалоге постнеклассической культуры. Деятельность человека по освоению и интерпретации мира происходит таким образом, что с неизбежностью схемы мышления транслируются на постигаемый материал. Исходный материал не изменяется, изменения же претерпевают способы «прочтения» текста: каждая эпоха актуализирует в нем то, что является для нее интересным, то, что выступает доминантой в ее понимании самой себя. Интерпретационная модель всегда содержит отпечаток субъекта, а выбранный вариант интерпретации раскрывает новые грани не только понимания текста, но и понимания субъекта. Начальная смысловая целостность текста разрушается, но не для того, чтобы разрушить или опровергнуть текст, а чтобы выстроить свой текст посредством иного текста. Интерпретация – это мышление «по поводу», тяготение к иному. Например, «Картезианские размышления» М.К. Мамардашвили [4] представляют собой рефлексии по поводу творчества Р. Декарта, а «Кантинианские вариации» [5] – осмысление творчества И. Канта. «Фармация Платона» Ж. Дерриды [6] – комментирующее чтение, позволяющее расставить новые смысловые акценты в исходном тексте. Но это не говорит о доминировании исходного текста по отношению к дочернему, текст не находится во власти первотекста. В процессе интерпретации исходный смысл преобразуется. Причем градус отклонения от первоначального значения сообщения может говорить о самостоятельности порождаемого в ходе интерпретации текста.

Когда интерпретация отделяется от первотекста и обрывает своим комплексом интерпретаций, она начинает осуществлять самостоятельное бытие. Таков принцип присвоения статуса научному тексту.

Это нам говорит о внутренней диалогичности процесса созидания, одновременно пребывающего в традиции и опровергающего ее. Смысл, постигаемый в процессе творения, пребывая внутри традиции, одновременно ей противостоит. Таким образом, смысл создается диалогично, в процессе взаимодействия он обнаруживает себя. Диалогичность присутствует и в процессе создания, и в процессе интерпретации текста. Различным является количество и качество диалогов вокруг текста, что представляет собой показатель постижения культурой текста, а от этого, в свою очередь, зависит приобретаемый текстом статус внутри культуры.

Важной является фиксация тенденции рефлексивности текста, когда автор начинает осмысливать свой текст внутри самого же текста. Показательным является то, что эта тенденция прослеживается и в художественной литературе. К примеру, М. Кундера в «Книге смеха и забвения» пишет: «вся эта книга – роман в форме вариаций. Отдельные части следуют одна за другой, как отдельные отрезки пути...» [7, с. 231]. Причем резюмирование такого плана происходит после того, как читатель сам пришел к этой мысли, то есть автор лишает читателя возможности присвоить себе данный смысл в качестве собственной интерпретации. Подобная схема осуществлена в повести П. Пепперштейна «Яйцо» [8]: герои интерпретируют интерпретацию автора. Интерпретация возводится в степень и представляется во всех своих вариантах, как бы вытесняя из этого процесса читателя.

Коммуникация осмысливается в культуре как способ передачи информации, как фиксация отсутствия молчания. Безудержный коммуницирующий поток в своей избыточности не ведет к смыслообразованию. Смысл требует понимания. Парадокс состоит в том, что интерпретационно-коммуникативное взаимодействие в своей потенции стремится к обретению смысла, то есть к возобновлению диалога. Попытки привнести смысл возрождают субъекта, так как вне субъекта смысла нет. И даже заявления Б. Гройса о том, что индивидуальность сообщения разрушается анонимностью системы-медиума, которая это сообщение транслирует [9, с. 87], субъекта не убивает, так как сообщение все равно кому-то передается и даже в искаженном виде, но транслирует, если не индивидуальность, то желание индивидуальность репрезентировать. Вычеркивание субъекта и связанного с ним диалогического принципа смыслообразования приводит в итоге к подчеркиванию необходимости субъекта в текстуальной реальности. В качестве иллюстрации данного постулата мы можем обратиться к такому феномену, как книга без автора. Если до этого постулирование смерти субъекта происходило в текстах, которые всегда имели своего автора (Р. Барт, Б. Гройс), то книга «Настоящая любовь» в качестве автора имеет компьютерную программу, генерирующую ее [10]. Но разворачивая книгу, мы видим список людей, которые занимались программным обеспечением и выступали в качестве консультантов. Немаловажным является то, что для создания книги в программу была внесена «Анна Каренина», что также «воскрешает» субъекта в культуротворчестве, поскольку для создания обезличенного текста авторам потребовался конкретный текст и конкретный автор. «Настоящая любовь» предстает не в качестве реализации идеи господства текстуальности над субъектом, а как многоуровневый знак, повторно закрепляющий в культуре уникальность Л. Толстого. Смыслом наделяется не преподносимый нам в качестве книги текст, а текст программы, умеющей генерировать тексты; именно он является уникальным, неповторимым и новым по отношению к традиции. Смысл текста программы репрезентируется посредством текста книги. Такой механизм представляет опосредуемый смысл и удлиняет интерпретационную цепочку. Смысл в книге не отсутствует, а лишь отдален от воспринимающего субъекта. Сообщение всегда несет смысл. Попытка выхода из подобной ситуации через создание абстрактного искусства заканчивается крахом: искусство все равно интерпретируют, привнося в него новый смысл. Ничего не обозначающий предмет уже обозначает то, что он не обозначал изначально. Такая участь постигла многие авангардные работы, экспериментирующие с текстом и смыслом текста.

Заключение. Диалог как базовая установка текста и культуры сохраняется в постнеклассический период. Трансформация диалога в постнеклассическом тексте осуществляется посредством излишней акцентуации таких характеристик диалога, как процессуальность и взаимодействие. Понимание в диалоге заменено интерпретацией, что отразилось на всей структуре диалога, который переродился в квази-диалог или полилог. Изменение значимых характеристик диалога влечет за собой изменения смыслообразования и роли субъекта культуры. Тем не менее субъект и смысл остаются важными составляющими процесса познания. Постулирование смерти субъекта и отсутствия смысла в тексте нами опровергнуто, так как постнеклассическая культура тяготеет к диалогу как основному принципу своего бытия и развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт, Р. Смерть автора [Текст] / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – С. 384–391.

2. Гройс, Б. Философ после конца истории [Текст] / Б. Гройс // Ускользящий контекст. Русская философия в постсоветских условиях: материалы конф., Бремен, 25–27 июня 1998 г. – Бремен: Ad Marginem, 2002. – С. 147–160.
3. Бодрийяр, Ж. Система вещей [Текст] / Ж. Бодрийяр; пер. и сопроводит. ст. С.Н. Зенкина. – М.: Рудомино, 2001. – 218 с.
4. Мамардашвили, М.К. Кантианские вариации [Текст] / М.К. Мамардашвили; под ред. Ю.П. Сенокосова. – М.: Аграф, 1997. – 311 с. – (Путь к очевидности).
5. Мамардашвили, М.К. Картезианские размышления [Текст] / М.К. Мамардашвили. – М.: Прогресс, Культура, 1993. – 352 с.
6. Деррида, Ж. Фармация Платона [Текст] / Ж. Деррида // Диссеминация / Ж. Деррида. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – С. 71–218.
7. Кундера, М. Книга смеха и забвения [Текст] / М. Кундера; пер. с чеш. Н. Шульгиной. – СПб.: Азбука – классика, 2008. – 320 с.
8. Пепперштейн, П. «Яйцо» [Текст] / П. Пепперштейн // Электронная библиотека «Грамотей» URL. – Режим доступа: http://www.gramotey.com/?open_file=1269104341.
9. Гройс, Б. Медиа становится посланием [Текст] / Б. Гройс // Под подозрением. Феноменология медиа / Б. Гройс; пер. А. Фоменко. – М.: Худож. журнал, 2006. – С. 79–89.
10. PC Writer 1.0. Настоящая любовь. – М.: АСТ Хранитель; СПб.: Астрель, 2008. – 288 с.

Поступила 15.02.2014

TEXT IN THE NONCLASSICAL CULTURE

S. OVODOVA

Text in the cultural space assigned an important role. Mankind captures in the text a multiplicity of meanings and values. Semantic content of text can be read at different levels. This article is analyzed the characteristics of tectonics postnonclassical text. It's revealed contact between text and culture, the ability to perform text as illustration cultural meanings. Text is written in a dialogue with modernity and tradition, it also immersed in the context and overtop of it. Textual dialogue as its basic characteristic allows us to trace the trend of transformation of the classical text through a nonclassical text to postnonclassical text. The author reveals the impact of different models of knowledge on methods of creating the text and principles of its functioning. Its determined variability dialogic text characteristics and its dependence on the dominant worldview.